

Знаменитые пары СССР

*Одна
таинственная
страсть...*

БЕЛЛА

АХМАДУЛИНА

ЕВГЕНИЙ

ЕВТУШЕНКО

Знаменитые пары СССР

Вероника Богданова

**Евгений Евтушенко и
Белла Ахмадулина. Одна
таинственная страсть...**

«Алгоритм»

2017

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Богданова В.

Евгений Евтушенко и Белла Ахмадулина. Одна таинственная страсть... / В. Богданова — «Алгоритм», 2017 — (Знаменитые пары СССР)

ISBN 978-5-906979-24-7

Все прекрасно знают, что первой женой известного поэта Евгения Евтушенко была ныне покойная Белла Ахмадулина. Но каким был этот брак, на самом деле знают немногие. По словам бывших супругов, их семейная жизнь была непростой, с одной стороны, и фееричной – с другой. Они встретились совсем молодыми, когда учились в институте, и полюбили друг друга. Несмотря на частые ссоры, влюбленные всегда быстро отходили и мирились. Так случалось всегда, но однажды чаша взаимных ссор и обид переполнилась. Им показалось, что любовь в их доме больше не живет. Спустя несколько десятилетий после развода в интервью накануне своей смерти Евгений Александрович вдруг нечаянно обронил: «По-настоящему Белла любила только меня...» Что так сблизило двух юных поэтов и что послужило причиной разрыва главной литературной пары 1960-х? Обо всем этом читайте в книге!

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906979-24-7

© Богданова В., 2017

© Алгоритм, 2017

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	32
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Вероника Богданова
Евгений Евтушенко и
Белла Ахмадулина. Одна
таинственная страсть...**

© Богданова В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Пролог

– Что это за очередь? Что дают? – поинтересовался Анастас Микоян, заметив какое-то столпотворение на Якиманке.

Пестрая толпа состояла из многочисленных групп по два-три человека. Все они ожесточенно спорили, кричали и веселились.

Судя по доносившимся фамилиям писателей и философов, которые звучали в процессе споров, толпа сплошь состояла из студентов. Очередь змеилась и расширялась, постепенно превращаясь в подобие первомайской демонстрации. Не хватало только широких полотен с лозунгами. Очень не хватало.

– Ничего, это за Евтушенко. Он поэт, – пояснили ему.

На дворе было лето 1955 года. Москва погрузилась в сонное и пыльное ожидание. Чуть больше двух лет назад умер Иосиф Сталин, и многое с тех пор уже изменилось, но до знаменитого доклада Никиты Хрущева на XX съезде КПСС было далеко, и ветер свободы пока еще не ворвался в московские окна. И все-таки что-то изменилось. Казалось, что даже воздух в пыльном столичном городе стал другим.

«Жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи», – эту фразу произнес Иосиф Сталин в далеком 1935-м году. Спустя двадцать лет ее можно было встретить на плакатах в заводских столовых, в фойе кинотеатров и ресторанов. С тех пор смысл, которым наделяли эти несколько слов, дополнился пока еще едва уловимой иронией. Как ни странно, но именно с того момента, когда эту иронию разрешили, жить действительно стало лучше, а главное – ярче.

Слева направо: поэты Михаил Светлов, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко на вечере поэзии в Политехническом музее. 1964 г.

Огромная толпа перед зданием старинного особняка литературного музея была тому наглядным свидетельством.

Здесь можно было увидеть кого угодно. У самого входа стояло несколько молодых людей в клетчатых пиджаках в обнимку с девушками в невероятно ярких приталенных платьях с пышными юбками. Это были студенты лучших вузов столицы. Те, кого спустя еще несколько лет станут называть стилистами. Они здесь вообще случайно оказались, что и старались показать всем своим видом. Такие люди не должны ждать в общей очереди. Хотя, с другой стороны, где, как не здесь, демонстрировать свои новые вещи. Чуть подальше, в середине очереди, были только что приехавшие из глубинки студенты-первокурсники, шумные студенты актерских вузов... Кого здесь только не было. Единственным, что их объединяло, были молодость и восторг.

Анастас Микоян попросил своего шофера остановить машину. Одно из первых лиц государства с пораженным видом наблюдало за тем, как сотни, хотя нет, похоже, тысячи молодых людей пытаются попасть на концерт какого-то поэта. Впоследствии рассказывали, что Микоян тогда ошеломленно произнес:

– Впервые вижу, чтобы столько людей стояло в очереди не за продуктами, но за поэзией. Начинается новая эпоха, что поделать.

Евгений Евтушенко в тот день стоял за сценой и наблюдал за тем, как наполняется зал. Где-то там сидела его молодая и не в меру талантливая жена Белла Ахмадулина. По большому счету, ему было не важно, насколько она талантлива, но вот то, что она была самой красивой и необычной девушкой из всех, кого ему доводилось видеть, было действительно важно. Сейчас она сидела где-то в самом углу. Казалось, ей скучно. А возможно, и немного досадно, что сейчас все эти люди собрались не ради ее стихов, слишком личных для такого количества народа. Эта мысль успела лишь промелькнуть в голове, когда вдруг на сцене появился концертный администратор и стал говорить привычные, отвратительно банальные вступительные слова.

Евгений Евтушенко читает свои новые стихи на пушкинском вечере поэзии в зале имени Чайковского. 1968 г.

Неожиданно в голове начинающего поэта всплыли строчки из популярного стихотворения Пастернака. Вообще говоря, Евтушенко никогда не любил его стихов. Он их не понимал и всегда удивлялся тому, что ими восхищаются все вокруг. Его футбольный тренер, глава редакции газеты «Советский спорт», в которой он работал вот уже несколько лет, и даже его жена, Белла, – все они восхищались Пастернаком. Сложные и образные стихи казались Евтушенко несовременными, но не сейчас. Неожиданно вспомнившиеся строчки вдруг стали не просто понятными, но даже какими-то родными. С них он и хотел было начать свое выступление, но вовремя вспомнил, что делать этого не стоит. Отношение властей к Пастернаку было пока еще не резко отрицательным, но настороженным. В этот момент администратор наконец объявил его имя, и Евгений Евтушенко пошел на сцену, повторяя про себя те неожиданно вспомнившиеся строки из Бориса Пастернака:

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку...

Глава 1

Крик, гудок и выстрел

«Крик ребенка, гудок, выстрел – так началась моя жизнь».
(Евгений Евтушенко)

Евгений Александрович Гангнус появился на свет теплой июльской ночью 1932 года. В до смешного маленьком Нижнеудинске Иркутской области все всех знали, и уж тем более знали всех недавно приехавших сюда геологов. Эти странные студенты-фантазеры, добровольно приехавшие сюда из столицы, вызывали у местных жителей недоумение, опасение и отчаянное любопытство. Самым интересным считался, конечно, Александр Гангнус.

Высокий, худой молодой человек в очках, славящийся своим умением сочинять стихи, выглядел здесь совсем уж странно. Слишком уж он не соответствовал окружающей его обстановке. Впрочем, похоже, именно это несоответствие ему и нравилось. Он умел нравиться и всегда, в любой компании оказывался эпицентром внимания. Этому способствовал не только его интеллигентный вид и странная фамилия, но и патологическая, фатальная удачливость. Казалось, что сама Фортуна ведет его за руку.

Той теплой ночью, когда Александр Гангнус привез свою молодую жену Зинаиду в больницу, удача вновь была на стороне счастливого геолога. Врачи больницы моментально выставили его за порог, оставив ждать новостей на улице. Как и полагается, Александр собирался отправиться в рюмочную, чтобы ждать там вестей, но все обернулось еще лучше. Проходивший мимо начальник станции предложил ему отправиться вместе с ним, чтобы сыграть пару партий в преферанс. Играть молодой геолог любил, но без фанатизма. Он воспринимал карты как способ дополнительного заработка, так как выигрывал практически всегда. Друзья знали об этом его свойстве и предусмотрительно отказывались садиться с ним за карточный стол, да и не хорошо оставлять друзей без их законной зарплаты. А вот пропустить пару партий с незнакомым человеком, да еще и начальником станции, вполне можно было себе позволить.

Был уже поздний вечер, когда они всей толпой вломились в кабинет начальника станции. Всего их набралось человек пять. Помимо Александра и самого начальника с ними увязалось еще несколько человек. Все из числа подчиненных грузного и пожилого начальника станции, имя которого затерялось в архивах истории.

В карты не может везти всегда, рано или поздно Фортуна утрачивает интерес даже к самым любимым своим героям, но казалось, что на Александра этот закон не распространяется. То ли шулер, то ли дьявол. Именно таким представлялся он своим новым знакомым. За весь вечер он проиграл лишь пару раз. Не в меру азартный начальник станции уже давно проиграл все свои личные деньги и даже памятные часы, подаренные ему за хорошую службу. В ход пошли деньги общественные, но и они вскоре должны были закончиться.

Туман за окном медленно рассеивался, и начинали проступать смутные очертания деревьев. Воздух в маленькой комнате был буквально отравлен едким запахом табака. За несколько часов напряженной игры они выкурили пару пачек дешевых папирос.

Теперь за игрой остались лишь Александр и начальник станции. Все остальные лишь молча наблюдали за ходом игры. Кто-то уже спал, привалившись к стене, а один человек безмолвно стоял у стены и, глядя на карты молодого геолога, нервно мям в руках пачку сигарет. Его вполне можно было бы обвинить в том, что он подсказывает начальству, если бы Гангнус при этом не выигрывал, раз за разом вдвое увеличивая свой выигрыш.

– Пойдемте, подышим свежим воздухом, товарищ Гангнус, – проронил вдруг этот безмолвный наблюдатель.

Александр вдруг резко изменился в лице и хмуро кивнул. Выйдя на улицу и окунувшись в зыбкий северный туман, Александр слушал то, что ему говорят. Он и сам понимал, что этот вечер станет роковым для кого-то из их компании. Либо застрелят его, либо застрелится сам начальник станции. Выигрыш сплошь состоял из государственных денег, за которые потом просто невозможно будет отчитаться.

Евгений Евтушенко с мамой Зинаидой Ермолаевной, бабушкой Марией Иосифовной и прабабушкой Марией Михайловной. Дача, Клязьма, 1935 г.

Выслушав все наставления, Александр вернулся за игру. Теперь в комнате были лишь он, начальник станции и пара храпевших в углу людей.

– Я понимаю, что здесь не все деньги ваши, давайте я заберу только личные средства, а казенные трогать не буду, – предложил он.

Начальник станции затих на короткое время. На лице его отразилась трудная работа мысли и совести.

– Нет, товарищ Гангнус, если вы оставите деньги, вы отберете у меня нечто поважнее. Честь, офицерскую честь вы заберете, – пояснил он чуть более тихим, чем следовало, тоном. – Последняя партия. – Это он произнес так громко, что даже пара храпевших в углу людей вздрогнули.

Александр кивнул и открыл разложенные перед ним карты. Сумма очков была минимальной, он попросту не мог выиграть. Решив не испытывать судьбу, Гангнус остановился на четырнадцати.

– По правилам вы должны взять еще одну карту, – тихо, но весьма решительно произнес начальник станции. Тон его был таким, что Гангнус не решился спорить. Сейчас их цели в игре совпадали. Оба они хотели лишь одного: чтобы Александр наконец проиграл. На кону сейчас было больше, чем все. Чья-то жизнь.

Гангнус взял еще одну карту, и теперь ахнули все, кто наблюдал за игрой. Молодой человек в очередной раз собрал двадцать одно очко. Начальник станции проиграл последние свои деньги. Нужно было что-то сказать, о чем-то договориться и как-то успокоить этого

немолодого и слишком азартного человека, но все карты спутала ворвавшаяся в комнату медсестра. Он бежала сюда пару километров лишь для того, чтобы сообщить об успешных родах его жены. У Александра родился сын.

Молодой геолог лихорадочно кивнул и понесся по коридору. Когда они уже почти добрались до выхода, послышался хлопок, заглушенный гудком проезжавшего мимо поезда.

В этот вечер начальник станции Нижнеудинск застрелился, а на свет появился мальчик, будущий поэт, которого называли Евгением.

«Отец никого не расстреливал, но его самого могли арестовать в любой день и расстрелять: он был сыном врага народа. Почему же он думал о самоубийстве, когда убийство ходило вокруг него? Может быть, он всю жизнь переживал самоубийство начальника станции, ибо сам не раз был близок к такому уходу и понимал, как страшно принять это непоправимое решение? А может быть, именно самоубийство начальника станции спасло его от собственного?»

(Евгений Евтушенко)

Впоследствии эта история рассказывалась такое количество раз, что постепенно утратила все черты реалистичности, превратившись в легенду. Как утверждал потом сам поэт, точным и правдивым в ней остались лишь гудок, выстрел и крик младенца, а также главный совет отца: никогда не играть в карты. Сам Александр Гангнус с тех пор так ни разу и не сел за ломберный столик, а впоследствии запретил это делать и Евгению. Проиграть, по его словам, было совсем не так страшно, как выиграть. Ведь, получая деньги, ты всегда теряешь нечто большее. Выигрывая у друзей, ты теряешь их, а выигрывая у людей незнакомых, ты ненароком можешь убить.

«Отец рассказал мне историю моего рождения, когда мне было тоже двадцать два года и я тоже ночи напролет играл в карты на деньги – в очко, покер, преферанс, кинг, даже в „веришь не веришь“, и мне тоже чертовски везло. С тех пор я никогда не играю в карты на деньги».

(Евгений Евтушенко)

Детство будущего поэта прошло на железнодорожной станции с поэтическим названием Зима в двух сотнях километров от Иркутска. Здесь жила бабушка Евгения, мать Зинаиды. В большом бревенчатом доме никогда не было особенных проблем с едой и одеждой, но вот от недостатка внимания родителей Евгений действительно страдал. Александр и Зинаида искренне пытались быть хорошими родителями, но вот друг с другом они ужиться больше не могли.

Однажды, собирая мужа в командировку, Зинаида нашла в его чемодане упаковку чулок, предназначавшихся не ей. О чем-то подобном она подозревала и раньше, но эта находка стала последней каплей. Когда Александр вернулся домой, на пороге он нашел чемодан со своими вещами и упаковку чулок, лежащую поверх громоздкого багажа. Он все понял и ушел. Уехал в командировку, надеясь помириться по приезду, но этого не произошло. Есть вещи, которые человеку не под силу простить, у каждого это нечто свое. Кто-то не может простить предательство, кто-то кражу, а кто-то измену. Так или иначе, у любого человека есть точка невозврата, и Александр, сам того не заметив, купив эти чулки, переступил невидимую черту. Их с Зинаидой брак распался, хотя даже спустя много лет они продолжали поддерживать ради сына подобие дружбы.

Вскоре после рождения сына Александр и Зинаида вернулись в Москву, но сначала развод родителей, а затем и война внесли свои коррективы. Зинаида обладала красивым и звучным голосом, поэтому в самом начале войны она отправилась вместе с актерской труппой выступать перед солдатами. Впоследствии она часто вспоминала, что никогда у нее не

было более благодарных слушателей, чем солдаты, которые слушали ее перед тем, как отправиться в бой. В те моменты казалось, что даже природа затихала, чтобы получше расслышать каждую ноту.

Евгений Евтушенко на станции Зима.

Я знал, что мне дадут ответы дружно на все и «как?», и «что?», и «почему?», но получилось вдруг, что стало нужно давать ответы эти самому.

(Евгений Евтушенко, «Станция Зима»)

Евгений тем временем был у бабушки в эвакуации. Здесь, на станции Зима, он и отправился в школу. Учеба ему давалась легко, ну а иметь пятерку по поведению было даже как-то... стыдно. Впрочем, проблемы с поведением начались чуть позже. В первом классе Евгений был круглым отличником, а вот в третьем уже нет.

Все изменилось в день, когда учительница физкультуры неожиданно подозвала лучшего друга ученика третьего класса Евгения Гангнуса к себе.

– Твой отец сейчас сражается на фронте, его в любой момент могут убить немцы, а ты дружишь с таким вот немцем, как тебе не стыдно?! – сказала женщина.

Мальчик не понял, почему его лучшего друга Женю Гангнуса обозвали немцем, но дома родители объяснили. Учительница физкультуры продолжала издеваться над неблагозвучной фамилией Гангнус, чем доводила будущего поэта до истерики.

Узнав о произошедшем, бабушка Евгения Мария Иосифовна немедленно побежала в школу. Обидчицу она обнаружила в учительской, сидящей на небольшой кушетке под портретами Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

– Вы что же, считаете, что ваши Маркс и Энгельс узбеками были?! – дрожащим от возмущения голосом воскликнула она.

Ссора эта превратилась в цунами местного масштаба. Орущих друг на друга женщин смог разнять лишь директор школы. Конечно, учительница физкультуры была не права, но... А если вспомнить тот факт, что ее муж в этот момент умирал в военном госпитале от пули, которую он получил, сражаясь с немцами? Кто в этом был виноват? Можно было бы найти тысячу ответов на этот вопрос, но для этой женщины виноваты были немцы, то есть и Женя Гангнус тоже.

Мария Иосифовна еще долго кипела от возмущения, пересказывая подробности той ссоры. Впрочем, именно благодаря этому эпизоду стало понятно, что фамилия отца может принести мальчику еще много серьезных проблем. Понимая это, женщина отправилась в паспортный стол и добилась разрешения изменить фамилию мальчика, а заодно и год рождения. Цифру «1932» исправили на «1933». Жене предстоял переезд в Москву из эвакуации, а если бы ему к тому моменту было двенадцать лет, нужно было бы делать специальное разрешение, а вот одиннадцатилетний ребенок имел право вернуться из эвакуации безо всяких документов.

Глава 2 В Москве

17 июля 1944 года по Москве должен был пройти марш пленных немцев. Женя Евтушенко вот уже несколько недель, как вернулся из эвакуации. Родители его были на фронте, а Женя жил в семье отца. Воспитанием мальчика занялась сестра Александра Ирина Рудольфовна Козинцева. Эта стройная и смелая женщина в строгих очках в роговой оправе казалась мальчику воплощением всего важного и почему-то запрещенного.

«Я увидел их около Проспекта Мира. Минут пятнадцать от Рижского вокзала. Любопытно было на них посмотреть, да и они, как я потом заметил, нас всех тоже с любопытством разглядывали. По большому счету, их вели ведь не только, чтобы нам показать, но и наоборот. Эти солдаты три года слушали немецкое радио, которое толдычило, что Москва давно разрушена, а тут они увидели город, чистый летний город, в котором даже не было заметно последствий четырех лет войны.

Москва тогда была почти пустой. Мы вернулись из эвакуации в 1943-м, но и к 1944-му еще не все вернулись. В тот день все на улицу высыпали. Сначала показались военачальники. Их немного было. За ними шли обычные солдаты, офицеры. Все тощие, уставшие, в каких-то лохмотьях, многие были даже босиком. Охраны было немного, все немцы были поразительно дисциплинированы, шли нога в ногу, не шумели, не пытались бежать. Иногда кто-то падал, правда. Колонна была гигантской. Они оставляли за собой грязные разводы, мусор, поэтому сразу за маршем шли поливальные машины».

(Евгений Николаевич Бондарев)

Тем июльским днем Женя Евтушенко привычно слонялся по московским улицам, пока не заметил какие-то мрачные приготовления на одной из них. Людей везде было как-то слишком много. В основном женщины и дети. Оно и понятно: исход войны был уже определен, но все мужское население страны по-прежнему сражалось на фронте.

«Парад побежденных». Немецкие военнопленные на улицах Москвы. 1944 г.

Сейчас на улицах появились мужчины в форме. Они выглядели напряженными и сосредоточенными. Все они таскали какие-то балки, пытаясь соорудить самодельное ограждение.

– Их сейчас убивать будут... – крикнул один из людей в форме.

Уже другой парень несколькими минутами позже пояснил Жене смысл брошенной фразы. Сейчас по улицам поведут пленных немцев. Практически у каждой женщины здесь муж, отец или брат умерли на войне, сражаясь с немцами. Именно эти пленные виноваты в смерти их близких. Сейчас их должны были начать убивать.

Неожиданно вспомнилась учительница физкультуры, которая считала, что в смерти ее мужа виноват ученик по фамилии Гангнус, просто потому что он немец. Мы никогда не мстим тем, кто виновен в наших трагедиях, мы мстим тем, кто попался под руку... Это понимали все: и военные, и собравшиеся здесь женщины, и третьеклассник Женя Евтушенко.

Впереди показалась толпа, справа и слева охраняемая советскими солдатами. Первыми в колонне шли генералы. Их гордые и мрачные лица были воплощением холодного смирения перед судьбой. Чисто теоретически их еще можно было возненавидеть, хотя и получалось с трудом. Как и тысячи школьников, Женя Евтушенко каждый день слушал радиосводки с фронта, знал наизусть стихи и лозунги, совершенно искренне ненавидел всех немцев, потому что они были повинны в смерти тысяч советских солдат. Но тогда ведь речь шла о каких-то абстрактных немцах, а сейчас по московским улицам вышагивали настоящие, живые немцы с изможденными и уставшими лицами. Их не получалось ненавидеть.

За рядами военачальников показались обычные немецкие солдаты. Они еле держались на ногах от голода и усталости, многих лихорадило. Видны были только лица. Вдруг один из солдат, шагавший в конце ряда, начал падать. Женщина по правую руку от Жени Евтушенко начала расталкивать все оцепление, требуя пропустить ее. Спорить с ней никто не решился. Все понимали: сейчас она первой кинет в кого-нибудь камень, а потом последуют остальные. Эту колонну сейчас буквально растерзают, и ни сотня, ни тысяча конвоиров от этого не спасут...

Вдруг женщина подхватила падающего солдата и стала поспешно засовывать в карман формы кусок серого, испеченного из дикой смеси отрубей и гороха, хлеба. Вслед за ней остальные женщины тоже бросились засовывать в карманы падающих от голода изможденных немецких солдат куски хлеба и смальца.

Сцена этого шествия пленных немцев навсегда отпечатавалась в памяти будущего поэта. В каждом или почти каждом интервью он вспоминал эту сцену, всякий раз дополняя ее новыми подробностями, но всегда заканчивая только фразой:

Это были уже не враги.

Это были люди.

* * *

В сентябре 1944 года Женя Евтушенко пошел в четвертый класс. Мама его вернулась с фронта лишь спустя пару месяцев после начала учебного года. По большому счету Женя оказался предоставлен самому себе, и это положение не могло не радовать.

В эти счастливые дни он впервые попытался написать свои первые стихотворные строчки. Что-то из этих первых и наивных попыток звучало совсем уж отвратительно, что-то попросту забылось, но было четверостишие, отчего-то плотно засеившее в памяти поэта. Пожелтевший лист, на котором оно было записано, давно выкинули.

Я проснулся рано-рано
и стал думать – кем мне быть.
Захотел я стать пиратом,
грабить корабли.

Жажда приключений уже тогда путала ученику четвертого класса все карты. Учился он по-прежнему хорошо, но упоительные приключения, которые таили в себе бесконечные московские улочки, так и манили его.

Евгений Евтушенко в детстве. 1940-е гг.

В ноябре с фронта вернулась мама Евгения Зинаида Ермолаевна Евтушенко. Он даже не узнал ее поначалу, так она изменилась. Она так похудела, что казалась почти бесплотной, а вместо гривы красивых и вьющихся волос на голове у нее была шапка иссиня-черных волос, оказавшаяся плохо скроенным париком. Под ним скрывалась обритая наголо голова. Тиф и вши... Фронтовые условия не только внешне изменили эту хрупкую женщину, но и надломили ее.

Четвероклассник Женя Евтушенко прибежал в школу одним из первых. Небывалое для него дело. Обычно он норовил опоздать, а лучше и вовсе прогулять уроки. Всему классу он объявил о том, что к нему приехала мама. Друзья постоянно донимали его расспросами о том, где его мама и почему он целыми днями предоставлен сам себе. Если он сирота, то должен жить в детском доме...

Эти расспросы, по большому счету являющиеся повторением разговоров взрослых, сильно обижали мальчика. А уж скептическое выражение лиц, появлявшееся в тот момент, когда он говорил, что его мать певица, обижало вдвойне. Сейчас он, наконец, мог смело опровергнуть все слухи и досужие домыслы. Теперь ему все завидовали, но продолжалось это недолго.

Вернувшись с фронта, Зинаида Ермолаевна очень долго не могла найти работу. Конечно, свободных трудовых мест было полно, но все это было не достойно... Выступая перед солдатами в дождь и снег, понимая, что ее голос и ее песня могут стать последним хорошим воспоминанием в жизни солдат, она отдавала всю себя этой работе. В конечном счете ее голос не выдержал. Она больше не могла петь, а безголосые певицы почему-то никому не были нужны. Лишь спустя пару месяцев она устроилась на работу, но куда, так и не сказала. Донесли добрые одноклассники. Кто-то увидел эту хрупкую женщину в фойе кинотеатра «Форум». Здесь она вместе с небольшим оркестром должна была встречать гостей, распевая патриотические песенки, которые почему-то никто не хотел слушать. Недостойная и непочетная работа, так сочли «добрые» одноклассники.

Это был май 1945 года. Город праздновал великую победу, на каждом углу можно было встретить компании ликующих от счастья людей. Повсюду устраивались открытые сцены, наспех сколоченные из досок. Отовсюду слышались пронизанные всеобщим ликованием знакомые строки из песен военных лет.

Серое, немного громоздкое здание на Садовой-Сухаревской улице не стало исключением. Уже на подходе к нему стали все чаще встречаться группы счастливых и чересчур веселых людей.

Зинаида Ермолаевна тихо пела в микрофон в фойе кинотеатра. Увидев это до слез печальное зрелище, Женя еще долго не решался подойти поближе к сцене. Он так и стоял, спрятавшись за колонной, и наблюдал за тем, как развеселые компании проходят мимо небольшого оркестра при входе. Мама все-таки заметила его и попросила оркестр чуть пораньше отпустить ее. Будущий поэт помог матери собраться и лихо подхватил большую сумку с концертными костюмами и париками.

– Я ведь хорошо пела, правда? – без конца вопрошала хрупкая женщина всю дорогу. И каждый раз Женя хмуро кивал ей в ответ.

* * *

Чтобы избежать насмешек одноклассников или попросту от неизбывного желания свободы, ученик уже пятого класса Евгений Евтушенко стал безбожно прогуливать школу. Он

честно приходил в школу к первому уроку, но уже через пятнадцать минут сбегал через открытое окно в туалете на первом этаже.

Учеба ему давалась по-прежнему легко, но стали появляться предметы, в которых Евтушенко ни черта не смыслил. Физика, химия и вскоре даже любимая математика. Учителя жаловались на него и без конца грозились вызвать родителей. В восьмой класс он так и не смог перейти, будущего поэта оставили на второй год. Ученик по фамилии Евтушенко портил всю статистику школы.

Москва 1950-х гг.

Уже на следующий год к ним в школу приехал человек с патриотической лекцией, разъясняющей смысл знаменитого доклада Жданова. Пытливый и не в меру начитанный ученик седьмого класса Евтушенко заметил, что пара строк из этого доклада слово в слово повторяют статью из литературной энциклопедии. Будущий поэт тут же поднял руку вверх и сообщил докладчику об этом. Воцарилась мертвая тишина. Все замерли в ожидании чего-то ужасного, что непременно должно было последовать за таким выступлением.

«...выручил наш десятиклассник, школьный комсомольский вожак Дима Калинин – единственный в школе, кто позволял себе носить длинную, хотя и умеренно, прическу и элегантный, хотя и неброский, галстук.

– Мне кажется, Женя, ты нездоров, – сказал он, ласково приложив к моему лбу ладонь. – У тебя явно высокая температура... Ребята, проводите Женю домой...»

(Евгений Евтушенко)

Без внимания такая выходка остаться не могла. Кое-как ученика по фамилии Евтушенко перетащили из седьмого класса в восьмой, а затем попросту вытурили его в только что открывшуюся школу № 607. Тогда еще не было понятия «коррекционная школа», но общеобразовательное учреждение № 607 в Марьиной Роще было как раз такой школой, предназначенной для обучения неблагополучных подростков.

Поначалу казалось, что перевод в эту школу – крест на будущем, но оказалось, что все вовсе не так ужасно. Это была самая обычная школа с обычными детьми. Директором здесь служил бывший фронтовик Исаак Борисович Пирятинский. Он славился своей патологической честностью и добродушным нравом. Конечно, провинившиеся ученики получали по заслугам, но и по-другому было нельзя. Дети шалят, а за шалости нужно расплачиваться.

«Ему нравились мои стихи, и на наши прогулы он смотрел сквозь пальцы. Словом, такого прекрасного директора мы даже не заслуживали».

(Евгений Евтушенко)

Будущий поэт продолжал и здесь иногда прогуливать, но делать это он стал значительно реже. Если физику ему так и не удалось освоить, то вот по всем остальным предметам он оценки исправил. Помог ему в этом недавно вернувшийся из ссылки дедушка, отец Александра Гангнуса Рудольф.

Аттестат зрелости будущему поэту получить было не суждено. Иногда даже самые хорошие оценки не способны исправить намерений судьбы. Придя однажды утром в школу, Евгений сразу понял, что случилось нечто экстраординарное. В коридорах никто не шумел, все лишь тихо переговаривались и почему-то с опаской косились на Евтушенко.

Оказалось, что этой ночью кто-то из учеников выкрал и сжег классный журнал, а когда злоумышленника засек школьный сторож, ученик вдобавок ко всему ударил несчастного по голове. Евтушенко считался одним из самых отъявленных хулиганов, да к тому же еще накануне получил пару двоек. Вполне достаточное основание для подозрений.

Вечером того дня директор собрал всех подозреваемых учеников во дворе и попросил признаться в содеянном. Никто не проронил ни слова. В конце концов, мужчина не выдержал и начал орать на Евтушенко. Евгений не признавался. Если кражу и поджог классного журнала вполне можно было бы простить, то вот удар сторожа по голове и абсолютное нежелание признавать свою вину окончательно вывели из себя директора. Ученика по фамилии Евтушенко выгнали из школы с так называемым «волчьим билетом», плохой характеристикой из школы, с которой теперь можно было навсегда забыть о поступлении в институт, хорошей работе и, в конце концов, благополучной жизни.

«Директор думал, что это я свои двойки сжег. Он попросил меня извиниться перед всем классом. Он назвал меня трусом, когда я отказался это признать, и исключил из школы. Это было сталинское время, 48-й год».
(*Евгений Евтушенко*)

Целыми днями теперь Евгений Евтушенко слонялся по улицам, играл с дворовыми ребятами в футбол и писал стихи. Зинаида Ермолаевна могла стерпеть все, но только не последнее. Увлеченность сына поэзией она не понимала. Более того, это пугало немолодую и навсегда перепуганную ужасами сталинских репрессий женщину. Творчество – это не только ненадежное и безденежное занятие, это еще и очень опасно. Лучше уж водку пить, в конце концов...

Мать поэта Зинаида Ермолаевна Евтушенко. 1930 г.

«Один мой одноклассник по кличке Пряха, впоследствии ставший членом-корреспондентом Академии наук, сказал после нескольких глотков теплой водки из бумажного стаканчика:

– Ребята, я хочу у Жени, у Исак Брисыча и у всех вас попросить прощения. Это я тогда сжег классные журналы...

Все так и застыли.

– Но почему ты это сделал? – вырвалось у Исака Брисыча. – Ты же был всегда круглым отличником!

– Я первый раз в жизни получил пятерку с минусом, – виновато, но в то же время как бы оправдательно пожал плечами Пряха. – А я к минусам не привык...»

(Евгений Евтушенко)

На помощь пришел отец Евгения. Александр предложил сыну отправиться вместе с ним в геолого-разведывательную экспедицию в Казахстан. Это обещало превратиться в незабываемое приключение – так чего, собственно говоря, и было желать? Евгений, ни минуты не сомневаясь, согласился на авантюру, и отец написал ему рекомендацию. Через месяц Евгений вместе с отцом прибыл в бескрайние степи Казахстана. Еще в поезде отец предупредил его:

– Если хочешь, чтобы тебя уважали, никто не должен знать, что я твой отец.

Евгений серьезно кивнул и с тех пор больше не обращался к отцу иначе как по имени и фамилии.

В Казахстане ему вверили отряд, состоящий из пятнадцати человек. Это были уголовники, отбывающие здесь свой срок за нетяжелые преступления. Они жили на всем готовом и даже получали кое-какую зарплату, поэтому никому даже в голову не приходило бежать отсюда. Правда, и работать никто не хотел. Все эти взрослые, видевшие в своей жизни все мужчины жили по принципу: солдат спит, а служба идет. Пара недель ушли на то, чтобы освоиться здесь. Вопреки всем домыслам и пересудам, Евгению все-таки удалось завоевать уважение у своего отряда, и они стали выполнять норму.

Немилосердное солнце, тяжелый труд и отряд уголовников быстро заставили повзреть. За несколько месяцев в Казахстане он изменился настолько, что родная мать в буквальном смысле поначалу не узнала его, а когда они сели в автобус и Евгений начал с ней делиться впечатлениями, женщина тихо заплакала. Евгений осекся и вдруг понял, что отвык говорить литературным языком. Его речь теперь была наполнена нецензурной лексикой, которую он привык использовать в качестве связующих артиклей. Чтобы понятнее и доходчивее было.

«На самом деле я потом еще очень долго пытался искоренить в себе привычку материться, но удалось побороть ее лишь спустя много лет. Последний удар по дурной привычке нанес Париж. Когда попал туда первый раз, там еще можно было застать русских эмигрантов-дворян, работающих таксистами. Однажды мы ехали с женой в машине, что-то оживленно обсуждая, я был несдержан, и вдруг водитель полуобернулся и сказал мне на чистом языке: „Молодой человек, хочу вас предупредить, что я петербуржец и хорошо понимаю язык. Скажите, пожалуйста, если у вас были интимные отношения с матерью этой очаровательной дамы, зачем ставить ее в известность – это как-то не по-джентльменски“. Его замечание сразило меня наповал и... окончательно излечило от сквернословия».

(Евгений Евтушенко)

Зинаида Ермолаевна искренне надеялась на то, что солнце Казахстана сможет выжечь желание сына посвятить себя литературе, но все обернулось иначе. Как только они переступили порог квартиры, Евгений гордо выложил на стол стопку заработанных денег. Их вполне могло хватить на ремонт, в котором их квартира отчаянно нуждалась последние лет пятнадцать. На робкое предложение матери Евгений отреагировал весьма категорично:

– На эти деньги я куплю пишущую машинку, а уже потом эта машинка сделает нам ремонт, – заявил будущий поэт.

Впрочем, по возвращении в положении Евтушенко мало что изменилось. Он все так же целыми днями играл в футбол, писал стихи и шатался по лицам. Ни цели, ни денег, ни надежд, только весьма отчетливо вырисовывающаяся перспектива загреметь в тюрьму по статье о тунеядстве.

«Я всегда любил футбол. Я был очень способным вратарем. И мало кто знает, но меня даже брали в дубль „Динамо“ – после того как я взял три пенальти, играя за команду мальчиков „Буревестник“. Почему я написал книгу о футболе? Тогда был совсем другой футбол! Тогда свобода существовала только в личной жизни по ночам, в поэзии и на футбольном поле. И были замечательные футболисты. Сейчас же футболисты – больше бизнесмены. И они даже потеряли чувство того, что футбол – это настоящая игра и в ней должно быть что-то такое чистое и детское».

(Евгений Евтушенко)

За экспедицией в Казахстан последовал год работы на Алтае. О том времени Евгений Александрович всегда вспоминал с большой теплотой и любовью. Барнаул, Змеиногоorsk и еще не один десяток городов пришлось ему посетить в то время. Красивые и спокойные места ему нравились, но мечты о литературной карьере не покидали его. Наконец спустя довольно продолжительное время ему удалось добиться удовлетворительной характеристики от начальства, что хоть как-то должно было очистить его репутацию от «волчьего паспорта» из 607-й школы.

Евгений Евтушенко (вверху) с товарищами по студенческой баскетбольной команде. 1948 г.

Вернувшись в Москву, Евгений начал осаждать редакции всех газет и журналов. Везде его не воспринимали всерьез. Впрочем, однажды его стихи все-таки заметили и пригласили на собеседование. Когда на встречу с сотрудником редакции пришел автор проникновенных строк о войне, сотрудник оторопел. Он ожидал увидеть убеленного сединами фронтовика, а

не семнадцатилетнего мальчишку. В печать стихи Евтушенко не взяли, но уверенности эта встреча Евгению поприбавила.

Однажды он решил зайти в редакцию любимой им газеты «Советский спорт». Газету эту будущий поэт любил, а помимо спорта в ней была и литературная страничка. Какая в конце концов разница, о чем писать стихи? Если нужно о спорте, то можно и о спорте.

Редакция газеты располагалась в огромной полуподвальной комнате на Дзержинке. Оттуда доносились ожесточенные звуки работающих пишущих машинок, и уже на подходе к ней воздух сгущался и приобретал белесый от табачного дыма оттенок.

Евгений Евтушенко смело вошел внутрь редакции и поинтересовался, где он может найти главу поэтического отдела. Навстречу ему вышел грузный мужчина, которого звали Николай Александрович Тарасов. Он пробежал глазами по паре стихов из стопки свежотпечатанных листов, которые протягивал ему будущий поэт, и удовлетворенно кивнул. Одно из стихотворений привлекло особое внимание, и Тарасов начал читать его вслух.

– Будет писать? – поинтересовался он у сотрудников, когда закончил читать стихотворение.

Кто-то из сотрудников редакции утвердительно кивнул, скорее из желания подбодрить молодого человек, чем из искреннего интереса. Этого оказалось достаточно для того, чтобы определить всю дальнейшую карьеру юного дарования.

– А вот это подойдет для печати, – уже совсем другим тоном сообщил Тарасов, вчитываясь в строки. Он тут же подозвал кого-то и сунул появившейся в дверях женщине листок. «В печать», – коротко приказал он.

Уже на следующий день во всех газетных киосках страны появился выпуск газеты «Советский спорт» со стихотворением никому пока не известного Евгения Евтушенко. Не веря своему счастью, Евгений Александрович побежал к киоску и попросил у продавца все имеющиеся выпуски газеты. Получив штук шестьдесят экземпляров, он встал посередине улицы и стал раздавать выпуски всем прохожим, громко декламируя свое стихотворение.

За печать в газете ему полагался гонорар, который составил чуть ли не половину месячной зарплаты матери Евгения, к тому моменту окончательно оставившей певческую карьеру и превратившейся в концертного администратора.

Первый гонорар обязательно нужно пропить, об этом Евгению сообщил его лучший друг. Эта традиция понравилась Евгению, и он предложил другу составить компанию в этом «нелегком» деле.

Пригласив двух знакомых девушек, они отправились в единственный известный им ресторан. Немного провинциальный интерьер с гротескной лепниной, дорогими скатертями и неприветливой официанткой казался им чем-то совершенно удивительным и кинематографичным. Увидев в меню позицию «Сухое вино», Евгений Александрович тут же заказал его. В те годы популярно было сухое сидро, порошок, который требовалось развести водой, чтобы получился лимонад. Им почему-то казалось, что сухое вино должно быть чем-то таким же. Увидев, что вместо порошка им несут графин с бордовой жидкостью, Евгений Александрович со всей важностью в голосе поинтересовался:

– Простите, но я заказывал сухое вино...

– Сухое закончилось, есть только мокрое, – усмехнулась официантка.

Так или иначе, гонорар удалось пропить в рекордно короткие сроки, с этой задачей справились даже слишком быстро.

Николай Тарасов и его лучший друг, шахматист Владимир Барлас, взялись за воспитание и образование подающего большие надежды Евгения Евтушенко. Ученик попался сообразительный и одаренный. Он легко и просто писал стихи на любую тематику. Футбол, хоккей, бокс... Какая разница? Хотя про футбол, конечно, было интереснее.

«Кирсанов однажды сказал мне: „Вы думали, наверно, что мне понравятся ваши стихи, потому что они похожи на мои? – спросил он. – Но именно поэтому они мне и не нравятся. Я, старый формалист, говорю вам: бросьте формализм. У поэта должно быть одно неперемное качество: он может быть простой или усложненный, но он должен быть необходим людям... Настоящая поэзия – это не бессмысленно мчащийся по замкнутому кругу автомобиль, а автомобиль “скорой помощи”, который несется, чтобы кого-то спасти...“»

(Евгений Евтушенко)

Иногда случалось так, что забывали добавить пару строк про Сталина, тогда Николай Александрович дописывал их самостоятельно. Впрочем, способный ученик быстро наострился делать это самостоятельно. Евгений Александрович называл эту работу своей поэтической школой. Здесь он оттачивал мастерство, изучал творчество самых модных и современных поэтов, искал свой собственный стиль.

Владимир Яковлевич Барлас (1920–1982) – шахматист, писатель, литературный критик.

«Он жил непримиримо и страстно, и это было прекрасно, как постоянное преодоление смерти».

(Евгений Пастернак о Владимире Барласе)

В 1952 году случилось знаковое для Евгения Евтушенко событие. Его поэтический сборник «Разведчики грядущего» одобрили к печати. Это обстоятельство послужило достаточным основанием для того, чтобы принять его одновременно и в Союз писателей, и в Литературный институт. После того как краткая эйфория первого успеха сошла на нет, осталось лишь острое чувство разочарования в написанном. Книгу все хвалили, но сам автор был ею недоволен.

«Кому может быть дело до красивых рифм и броских образов, если они являются только завитушками вокруг пустоты? Что стоят все формальные поиски, если из средства они перерастают в самоцель?»

(Евгений Евтушенко)

Прав был Владимир Барлас, который с первого дня знакомства с Евтушенко донимал его вопросами о гражданской позиции. Шахматист считал, что советский поэт не имеет права быть просто мастером рифм и образов, это не самое трудное ремесло. Нужно знать – для кого ты пишешь? что ты хочешь сказать людям?

Все эти вопросы сыпались на Евтушенко с пятнадцати лет, но лишь сейчас до него стал доходить смысл всего того, что пытался ему втолковать Барлас.

Включение в Союз писателей предполагало посещение собраний, на которых обсуждались новые произведения. На первом же собрании молодой поэт во всеуслышанье заявил о себе. Тогда обсуждали новые стихи какого-то маститого, убеленного сединами поэта. В звучащих сейчас строках Евтушенко услышал строчки из Пастернака, которые так любил цитировать Тарасов. Именно об этом и объявил юный поэт, процитировав сначала Пастернака, а потом и «новые» стихи поэта. Различия в строках были минимальными. Все снисходительно посмеялись над этим и даже похвалили его за внимательность.

Кто может себе позволить подобное? Вот так, на первом же собрании начать критиковать маститого поэта? Либо сумасшедший, либо человек, которому нечего бояться. На первого Евтушенко был не похож совершенно, значит, его кто-то поддерживает, кто-то чрезвычайно важный... На тот момент в стране был только один человек, чья поддержка могла дать индульгенцию на все, – Иосиф Сталин. Все посчитали Евгения Евтушенко ставленником вождя народов. Ну а сам поэт всегда отлично умел блефовать, это умение досталось ему от отца.

В марте 1953 года случилось еще одно потрясшее Евгения Александровича событие. На сей раз это событие было мирового масштаба. Умер Иосиф Сталин. О том, что будет дальше, тогда еще не задумывались обычные люди. В тот момент всех волновало лишь одно: вся страна хотела посетить похороны вождя народов. Зинаида Ермолаевна идти не решилась, а вот Евгений Александрович пропустить такого не мог.

«Транспорт никакой не ходил, и мы с моим двоюродным братом Деней отправились туда пешком. Из Долгопрудного шли прямо в центр. Давка была, конечно, колоссальной. Ощущение от всего этого было, конечно, очень тяжелым. Люди скорбели, плакали, совершенно не представляли, что будет дальше. Всем хотелось пройти за оцепление, но пускали далеко не всех. Леня был военным летчиком и пошел в форме. Здесь ему, конечно, повезло. Он тут же встретил каких-то знакомых и его пропустили в самую гущу толпы, а меня – нет. Только потом узнал, что мне на самом деле повезло. Дальше уже толпа была такой плотности, что люди буквально давили друг друга. Жертв было довольно много».

(Евгений Николаевич Бандарев)

«Самая давка была на Трубной. Мы тогда жили на Садово-Сухаревской и я втайне от няни пошла туда. Дошла почти до Каретного ряда, но там уже было оцепление, которое охраняла конная милиция. Помню, что один из солдат подошел ко мне и чуть не ударил, отгоняя от заграждения, а потом еще крикнул:

– Он тебе что, отец родной?

А я тогда гордо ответила:

– Больше!
Солдат разозлился и прогнал меня. Велел идти домой к родителям...»
(*Инна Петровна Сопруненко*)

Кадр со съемок фильма Евгения Евтушенко «Похороны Сталина». 1990 г.

Давка, которая образовалась на подходе к гробу вождя народов, унесла с собой сотни жизней. Женщины и дети, старики, люди, просто на секунду отвлекшиеся, – всех толпа сметала со своего пути. Евгений Александрович навсегда запомнил тот момент, когда он оказался в самом сердце этой толпы. В тот момент его спас лишь достаточно высокий рост, позволивший ему кое-как дышать. Он перестал пытаться идти и попросту повис в толпе, позволив чудовищной массе народа тащить его по направлению к телу вождя. Впереди показались огромные грузовики, о которые толпа разбивалась. Они выполняли функцию дамб,

разбивающих морские волны. Вместо морской воды были люди. Солдаты не имели права убрать грузовики без приказа, и углы грузовиков были красные от крови.

– Делайте цепочки! – закричал Евтушенко, вовремя вспомнив свое геолого-разведывательное прошлое.

Его никто не услышал, да и не понял – мало ли сумасшедших кричат. Тогда поэт начал соединять руки людей, делая таким образом живые цепи. Несколько мужчин поняли замысел и начали помогать ему. Затем они начали пытаться вытащить из толпы женщин и детей. Здесь им не всегда удавалось успеть.

До гроба вождя народов оставалось пройти еще несколько улиц, причем с каждым пройденным метром плотность толпы увеличивалась, а люди становились агрессивнее. Кое-как Евгению удалось выбраться. Идти дальше уже не хотелось. Перед глазами были вымазанные в крови борта грузовиков. Этого оказалось достаточно для того, чтобы диаметрально изменить гражданскую позицию поэта. Вождь народов уж точно не был виноват в собственных похоронах, тем не менее, кого еще было винить в этой давке?

Глава 3

Встреча

В 1955 году на страницах журнала «Октябрь» студент Литературного института Евгений Евтушенко прочитал стихотворение, которое начиналось со строк: «Голову уронив на рычаг, крепко спит телефонная трубка...» Такие трогательные и искренние стихи не могли не привлечь внимания поэта.

К тому моменту неутомимый Евтушенко успел напечататься чуть ли не во всех советских журналах и газетах и везде успел обзавестись приятелями и знакомыми. Пробежав глазами эту рубрику, Евтушенко тут же набрал номер Евгения Винокурова, старого приятеля, который работал в журнале «Октябрь».

– Кто эта Ахмадулина? – с места в карьер бросился Евтушенко.

Оказалось, что стихи, так тронувшие Евтушенко, написала ученица десятого класса Белла Ахмадулина. Она ходила в литературный кружок, который вел Винокуров. Собиравшись в ближайшее время поступать в тот же институт, в котором сейчас учился Евтушенко. Когда поэт попросил приятеля описать эту девушку, редактор почему-то запнулся, а потом сказал лишь, что она очень красивая и... необычная. Этого оказалось достаточно, чтобы окончательно заинтриговать Евтушенко. Он уже почти влюбился в девушку, которую даже никогда не видел.

Евгений Евтушенко и Белла Ахмадулина. 1960-е гг.

*Дождь в лицо и ключицы,
и над мачтами гром.
Ты со мной приключился,
Словно шторм с кораблем.*

(Белла Ахмадулина)

Спустя несколько дней должно было состояться очередное заседание литературного кружка. Евтушенко пришел уже ближе к концу и увидел потрясающе красивую девушку, которая стояла и тихим, трагическим голосом читала стихи. Эти строчки напоминали саму поэтессу, нездешнюю и несвоевременную. Эти стихи были вычурными и витиеватыми, в каждом слове звучали сотни смыслов и метафор – казалось, что они родились в тумане литературных гостиных эпохи декаданса, а не в середине индустриального, машинного XX века. Девушка с раскосыми глазами, копной черных волос тоже напоминала гостью из девятнадцатого века. Одета она была в самый обычный, плохо сидящий костюм фабрики «Большевичка», что никак не вязалось с ее загадочностью «райской птички». Именно так, «райской птичкой», Евгений Евтушенко вскоре и стал называть свою первую большую любовь, девушку с удивительным и нездешним именем Белла.

Она бесспорно была самой красивой и необычной из всех, кого когда-либо встречал Евгений Евтушенко. А к тому моменту он уже встретил немало девушек. По собственному признанию, ничто и никогда его так не волновало, как женская красота.

Казалось, что эта девушка ничего вокруг себя не замечает. Взгляд ее блуждал, не задевая лиц и глаз. Ее манеры, вычурные и даже артистичные, казались в сочетании с ее образом самыми естественными из возможных. Как еще должна вести себя райская птичка? Как угодно, но только не так, как все остальные. Именно такой и была Белла Ахмадулина. При этом она создавала впечатление удивительно робкого и ранимого человека. Ее хотелось защищать.

«На самом деле равных соперниц, во всяком случае – молодых, у нее не было ни в поэзии, ни в красоте. В ее ощущении собственной необыкновенности не таилось ничего пренебрежительного к другим, она была добра и предупредительна, но за это ее простить было еще труднее. Она завораживала...»
(Евгений Евтушенко)

Глава 4

Странная девочка

Странная и сложная девушка Изабелла Ахатовна Ахмадулина родилась 10 апреля 1937 года. Своей необычной внешностью она была обязана причудливому переплетению татарских и итальянских корней. Отец девушки был высокопоставленным партийным работником, мать – переводчицей в КГБ, а бабушка и вовсе была пламенной революционеркой, дружившей с самим Владимиром Ильичом Лениным. Впрочем, такие родственные связи не помогли Белле Ахатовне сдать в свое время диалектический материализм хотя бы на тройку.

С первых дней жизни девочка, которую решили на испанский манер назвать Изабеллой, проявляла удивительное равнодушие к миру, который ее окружал. Иногда окружающим казалось, что девочка будто бы пребывает в своем собственном мире фантазий и лишь изредка отвлекается на скучный мир людей. Впоследствии многочисленные друзья и знакомые знаменитой поэтессы вспоминали о странной отрешенности поэтессы. Казалось, что между ней и другими людьми если и не стена, то, по крайней мере, глухое стекло.

Белла Ахмадулина в детстве. 1940-е гг.

«Первые мои годы я проживала в доме, где без конца арестовывали людей. А мне велели играть в песочек. Я не могла знать, не могла понимать, что происходит, но некий след во мне остался. Даже неграмотный, не очень тонкий слух ребенка многое улавливает. Я была беспечной, благополучной девочкой, однако ощущение зловещей тени несомненно присутствовало. Наш дом, старинная усадьба на углу Садового кольца и Делегатской улицы, назывался почему-то „Третий Дом Советов“. Самые обреченные, мы знаем, жили в Доме на набережной, да? А наш предназначался для мелких, о которых поначалу как бы забыли ради более важных. Слава богу, моей семье это впрямую не коснулось. Но ближайший друг писатель Феликс Светов –

чистейший, добрейший, нежнейший, никогда не затаивший на белый свет никакой обиды и, как потом выяснилось, живший со мной в одном доме (только он на десять лет старше), был ребенком „врагов народа“. У него всех посадили. Позднее мы все собирались туда, где, проходя мимо, подростком он видел, как я маленькая важно лепила куличики».

(Белла Ахмадулина)

Она обожала слушать разговоры взрослых, очень быстро научилась говорить и даже слагать свои первые рифмованные строчки. Ее первыми словами были не банальные «мама» или «папа», случайно сказанные где-то на кухне. Двухлетняя девочка по имени Белла сразу и с замиранием сердца сказала:

– Я такого никогда не видела, – произнесла она, указывая на растущие за окном тюльпаны. Эта вполне осмысленная фраза так восхитила всех окружающих, что девочке тут же купили букет первых попавшихся цветов. Ими оказались ярко-красные маки, лепестки которых разлетелись от первого же порыва ветра. Впрочем, и этого тоже она никогда не видела, так что, вопреки всем ожиданиям, она не расплакалась при виде опавших лепестков ее первого букета.

Родители девочки усиленно делали карьеру, поэтому Беллу при первой же возможности отдали в детский сад на пятидневку. Спустя всего несколько месяцев наступила страшная пора 1941 года. Отец Беллы отправился на фронт, а мать до последнего отказывалась уезжать в эвакуацию, а когда времени больше не оставалось, оказалось, что Белла заболела корью. Больную девочку везти было нельзя, она бы заразила весь поезд, под завязку заполненный детьми того же возраста.

Наконец, им все-таки удалось выбрать из столицы. Сначала они поехали в Самару, затем их переправили в Уфу, и лишь спустя еще пару городов им все же удалось добраться до Казани, города, в котором жила бабушка Беллы.

Девочке категорически не нравились эти путешествия, а еще меньше ей понравилась Казань, вместе с хмурой и неприветливой женщиной, которую почему-то велели называть бабушкой. Везде и всюду маленькая Белла ходила с потрепанным плюшевым мишкой, которого с боем удалось отобрать у воспитательниц детского сада в Краскове.

«Эти воспитательницы в Краскове обирали всех. Родители пришлют какие-то гостинцы, они отбирали. У них были свои дети. Один раз хотели отобрать моего медведя, но тут я так вцепилась, что они испугались. Так можно было пропасть, потому что над Москвой полыхало зарево, горела Москва. Они своих детей хватали, утешали, а вся остальная мелюзга плакала, толпилась, но, к счастью, мать меня успела забрать».

(Белла Ахмадулина)

Бабушка Беллы скрепя сердце приняла их в своем доме, но радости по этому поводу, конечно, не испытала. Она переживала за сына, который вынужден был сейчас сражаться за Родину, а эти, по большому счету, незнакомые люди сейчас занимали место в ее доме... Вскоре матери девочки пришлось уехать в связи с какой-то служебной надобностью. Теперь из близких родственников у Беллы осталась одна лишь бабушка, которую почему-то больше всего раздражала именно Белла. Внучка наотрез отказывалась учить татарский язык. Желая силой заставить ребенка говорить на «родном языке», она без конца кричала на девочку. Белле от всего этого не хотелось разговаривать ни на каком языке, а татарский и вовсе превратился для нее в синоним чего-то слишком страшного и громкого. Она предпочитала молчать. И болеть. Белла постоянно простужалась и лишь только вылечивалась от ангины, тут же подхватывала какую-нибудь новую болячку. Это пугало бабушку, но не саму Беллу. Девочку даже немного радовали бесконечные ангины и скарлатины. Благодаря им не нужно

было выходить на улицу и общаться с другими детьми, учить татарский... Нужно было только кушать получше, да и все.

*И в час, когда луна во всей красе
так припекала, что зрачок слезился,
мне так хотелось быть живой, как все,
иль вовсе мертвой, как дитя из гипса.*

*В удобном сходстве с прочими людьми
не сводничать чернилам и бумаге,
а над великим пустяком любви*

бесхитростно расплакаться в овраге.

(Белла Ахмадулина)

С продуктами в городе было очень туго, а уж добыть необходимые ребенку фрукты и овощи и вовсе было практически невозможно. Девочка ела очень мало и никогда ничего не говорила ни о том, чего ей хочется, ни о том, что ее тревожит. Идеальный ребенок. Из-за этого тихого молчания никто не заметил, как девочка вдруг резко стала худеть, а через пару дней и вовсе перестала вставать с кровати. Маленькую Беллу в срочном порядке отправили в больницу, но там тоже ей помочь могли немногим. Продуктов и медикаментов категорически не хватало. Девочка целыми днями лежала на больничной койке и не выпускала из рук спасенного от рук воспитательниц детского сада плюшевого мишку. Больше всего на свете она скучала по маме, поэтому когда сквозь туман пограничного с небытием состояния она вдруг увидела женщину в военной форме, она приняла ее за игру воображения.

На самом же деле мать девочки примчалась сразу же, как только ей пришла телеграмма: «Белла умирает. Дизентерия. Ждем».

Начальство с пониманием отнеслось к обстоятельствам и моментально дало ей увольнительную. За считанные дни этой хрупкой женщине в военной форме удалось найти хороших врачей, лекарства, продукты, а главное – разрешение на возвращение в Москву. Как только состояние девочки сочли удовлетворительным, они отправились в долгий путь домой. Поначалу пришлось задержаться в одном городе, затем перебраться в другой, третий... Сама Белла смутно помнила последовательность быстро сменяющихся городских пейзажей. Главное, что в одной руке у нее всегда был старый плюшевый мишка, а в другой – рука мамы.

«Все мое детство состояло из моей матери, из ее запахов, ласк, прикосновений, тяги и ревности к ней, и я не помню теперь, когда наметилось и установилось между нами, вернее, у меня к ней, это болезненное, холодное, жестокое и неумолимое отдаление, уравновешенное огромной жалостью».

(Из дневников Беллы Ахмадулиной)

В 1944 году они вернулись в Москву в свою большую квартиру в Третьем доме Советов. Белла не знала, почему его так называют, но звучало это солидно и торжественно. Ей нравилось. Да и Москва ей очень нравилась, вот только перспектива похода в школу пугала ее так, что коленки невольно подкашивались. Пару раз сходя в школу, девочка вновь заболела, да так, что пришлось на целый учебный год забыть о продолжении образования. (На следующий год ситуация, скорее всего, повторилась бы, если бы не мудрая учительница.)

Беллу вновь записали в первый класс, но девочка опять серьезно заболела в самом начале учебного года. Уже в середине осени ее вновь привели в школу, по большому счету уже не надеясь на успех мероприятия. В конце концов можно было бы перевести ребенка на домашнее обучение, хотя в те времена это совсем не приветствовалось.

С горем пополам Белла все-таки начала посещать школу. Для нее это превратилось в одну непрекращающуюся пытку. По всем предметам она не успевала, за что и получала ежедневные нагоняи от учителей. Вдобавок к этому она никак не могла найти друзей в этом диком, шумном хаосе под названием «школа». Это были младшие классы. Ни о какой травле, конечно, речь не шла. Такое просто не допустили бы, но над глупой девочкой за последней партией начали подсмеиваться. Этому способствовали и учителя. В одном из интервью поэтесса рассказала о том, как однажды к ней привели какую-то комиссию по проверке школы. Директор предложил важным людям из департамента познакомиться с «самой глупой девочкой в школе». Желая доказать свое суждение, женщина попросила Беллу напи-

сать что-нибудь. Любое слово, которое только придет в голову. Девочка послушно вывела на доске красивыми прописными буквами слово «собака».

– Вот видите! Нет бы «мама» написать или «папа», у нее в голове только собаки, – торжествующе заявила педагог.

В целом это было недалеко от истины. Собак Белла действительно обожала с детства, в особенности своего любимого, совсем недавно появившегося в их доме пуделя.

Белла Ахмадулина со своей любимой таксой. 1950-е гг.

Пес умудренный, очумело
уоставив на меня свой зрак,
не знал, что я собаку съела
по части понимать собак.

(Белла Ахмадулина)

Беллу все это больно ранило. Категорически не желая посещать школу, она при первой же возможности сбегала с уроков и часами гуляла по городу в полном одиночестве. Такие прогулки нравились ей, но чем чаще она так делала, тем больше проблем накапливалось в школе. Родителей девочки без конца вызывали к директору. Из школы мама Беллы возвращалась с неизменно скорбным выражением лица, за что Белла еще сильнее ненавидела общеобразовательное заведение. Переменилось все неожиданно. Причиной, как это часто бывает, стала новая учительница, пришедшая в школу, когда Белла с горем пополам перешла во второй класс.

«Как-то помню, мне было лет шесть, мы бродили с мамой в этих убогих джунглях и видели, как по аллее, упирающейся в близкий горизонт, уже далеко двигалась одинокая женская фигура, окрашенная в голубое. Она уходила все дальше и дальше, в голубом платье, по дороге, впадающей в голубое небо, ее нельзя было ни догнать, ни остановить, и я тогда уже знала, что это навеки. Я тут же впала в кислый и слезливый каприз, необъяснимый для мамы и имеющий мировое значение.

Но мама была так чутка тогда, она обещала тогда найти эту женщину в голубом и часто потом говорила, указывая на голубое платье: „Вот смотри, наверное, это она“. Но поздно было: неосознанное предчувствие всех предстоящих мне потерь и собственной затерянности в пространстве уже осенило меня».

(Из дневников Беллы Ахмадулиной)

За письменным столом сидела какая-то потерянная, уставшая от жизни женщина с отрешенным взглядом. Приглядевшись, Белла узнала в ней соседку по дому, только тогда это была веселая и жизнерадостная девушка. Война сломила ее. На фронте погиб ее муж, и сейчас уже было очень сложно узнать в ней ту веселую девушку.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась вдруг женщина, внимательно разглядывая топтавшуюся на пороге класса девочку. Когда Белла ответила, женщина вдруг сказала, обращаясь уже к классу:

– Давайте эта девочка будет дежурной. Посмотрите на ее руки, она совершенно точно лучше всех умеет убираться и вытирать доску.

«Этого я совсем никогда не умела и до сих пор не умею. Но вот так она меня полюбила именно из-за военных, как я считаю, страданий. И как-то она просила меня, чтобы я руководила этой доской, вытирала тряпкой. А я так много читала к тому времени, что, конечно, я уже очень хорошо писала, и если я в „собаке“ ставила ударение где-то не там, то это не значило, что я не умею, потому что я непрестанно читала, сначала с бабушкой, потом одна. Это непрестанное чтение Пушкина, но в основном как-то Гоголя было все время. Книги в доме были, и я читала, и вдруг все заметили, что я пишу без всяких ошибок и очень резво, и стала даже учить других, чтобы они писали. Вот такая израненная послевоенная одинокая печальная женщина, Надежда Алексеевна Федосеева, вдруг она как какое-то крыло надо мной,

как будто я ей, не знаю, кого-то я ей напоминала, или раненых, если она была санитаркой, или, я не знаю, как-то вот она меня возлюбила. Ну, и все ко мне как-то примерились. Или, может, я действительно лучше всех вытирала доску...»

(Белла Ахмадулина)

Постепенно Белла начала свыкаться с необходимостью ходить в школу. Появились предметы, в которых кое-что стало ей удаваться. Неожиданно, к примеру, ей понравилось рисовать. Случилось это в самом конце учебного года. Урок изобразительного искусства в тот день должен был вести старый фронтовик, который предложил детям изобразить что-нибудь, посвященное Дню Победы. Все стали привычно рисовать танки и парады, а Белла стала увлеченно творить что-то свое на альбомном листе. Постепенно на бумаге стали проявляться очертания совершенно невообразимого, но очень радостного переплетения всех цветов. Нечто радостное и бесформенное только очень отдаленно напоминало салют. Проходя между рядами, фронтовик удовлетворенно кивал и даже хвалил детей за их рисунки; увидев же картину Беллы, мужчина остановился как вкопанный и осторожно взял лист бумаги в руки. Он нестерпимо долго разглядывал это радостное буйство красок, а когда вернул рисунок девочке, ей показалось, что в глазах мужчины мелькнуло нечто напоминавшее слезы. Рисунок по-настоящему растрогал его. С тех пор Белла полюбила рисовать. Людям ведь всегда нравится делать то, что у них хорошо получается.

«Никогда не преувеличивала своих способностей. Всегда в них сомневалась. Всегда. Всегда. Всегда. У меня есть в другом стихотворении: „Мне так хотелось быть... как все“. Совершенно похожей. Одинаковой с другими. Это абсолютнейшая правда, что я себя ниже других ценю. Но, помоему, я вам голову заморочила».

(Белла Ахмадулина)

Постепенно ситуация в школе выправлялась. Родители, потерявшие уже было надежду на достойную карьеру для дочери, вновь воспряли духом. Белла была все такой же замкнутой и отстраненной, как и раньше, но у нее вдруг проявились явные гуманитарные способности, ее стали хвалить учителя литературы и русского языка и даже отправлять на различные конкурсы. Белла всегда очень много читала. Любимой ее книгой была американский роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Угнетенное положение негров в далекой Америке так впечатлило девочку, что она написала цикл стихов на эту тему. Некоторые из них, по ее словам, были просто ужасны, а некоторые «чудовищны». Впрочем, поэтесса всегда отличалась самокритичностью. На самом деле стихи эти были чрезвычайно хороши для школьницы. Они настолько понравились всем, что Белла даже отважилась послать их в журнал «Пионерская правда» и очень скоро они были опубликованы. Спустя некоторое время Белле пришло письмо от неизвестной ей женщины, которая писала о том, как ей понравилось творчество Беллы, но... Стихи ее показались женщине слишком мрачными, грустными и оторванными от реальности. Автор стихов явно писала о том, что было ей не знакомо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.